

## **МОТИВ САМОУБИЙСТВА В ТРАГЕДИИ У. ШЕКСПИРА «ОТЕЛЛО»**

**Н. С. Зелезинская**

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

e-mail: zelezinskaya@bsu.by

В статье рассматривается мотив самоубийства в трагедии «Отелло» и других трагедиях У. Шекспира на основании заявленной типичности мотива для трагедийного творчества драматурга. Акцент сделан на личности трагедийного героя, проявленной смертельным сюжетом.

*Ключевые слова:* Шекспир; «Отелло»; сюжет; мотив; самоубийство; трагедия.

## **THE MOTIF OF SUICIDE IN THE TRAGEDY OF “OTHELLO” BY W. SHAKESPEARE**

**N. S. Zelezinskaya**

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: zelezinskaya@bsu.by

The article contemplates upon suicide in “Othello” by W. Shakespeare. It outlines typical features of a Shakespeare’s tragical characters as well as the motif of suicide in tragedies. Special attention is given to characteristic features of Othello such as isolation, honesty, virtue etc. highlighted by his suicide.

*Key words:* Shakespeare; “Othello”; plot; motif; suicide; tragedy.

Мотив самоубийства, представленный Шекспиром в трагедии «Отелло» (1603) нам видится наиболее типичным для всего творчества драматурга. В нем объединились черты мотива самоубийства, которые мы находим в «Ромео и Джульетте», «Гамлете», «Короле Лире», «Антонии и Клеопатре», ввиду наиболее сбалансированного сочетания христианской и античной морали с позднеренессансным мировоззрением, с одной стороны, и типичности трагедийного героя, с другой.

Отелло создан по принципу всех трагедийных шекспировских героев. Это цельная натура, активная, резкая, самоуверенная. Превыше всего он ставит достоинство и честь, но и эмоциональная сфера для него не менее важна, поскольку представляет неотъемлемую часть его самого. Женитьба на Дездемоне также включает и любовь, и ее саму в круг того, что герой считает своим и собой. Кроме того, Отелло настойчиво пытается включить в «себя» соответствие венецианским идеалам. Он хочет заслужить уважение дожа, быть принятым в домах знати, он даже меняет религию матери на христианство. Дездемона включена в его круг не дальнего еще и по этому параметру: она залог преодоления инаковости

и включения героя в венецианское высшее общество. Таким образом, Дездемона дважды необходима Отелло, поэтому именно ее он и лишается, оказываясь в типичной для шекспировского героя ситуации краха. Индивидуальный черт у Отелло намного меньше, чем у других трагедийных героев Шекспира (разве что кроме Ромео), что, собственно, и является причиной типизации его как образца ревнивца. Мы согласны с П.Кэннелом в том, что Отелло – «какой-то унифицированный персонаж, чьи прямодушные и цельность только приближают миг неминуемого краха» [1, с. 175].

Типичность самого героя открывает нам путь к пониманию типичности его сюжета, который неминуемо содержит в своей развязке мотив самоубийства. Мотивом самоубийства оканчиваются сюжеты Лукреции, Антония и Клеопатры, Брута и Кассия, Ромео и Джульетты. Они подобны Отелло в своих типичных чертах протагониста шекспировской трагедии: благородны, честны, прямолинейны и прямодушны, даже доверчивы, верны долгу, стране, семье или возлюбленному/ой. Первоначальная цельность (или кажущаяся цельность, в свете последующих событий) таких натур неизменно нарушается в процессе конфликта. Причина – в той самой ироничной идеальности, которую стремится достичь герой. Как только он приходит в желаемую точку (любящая жена-венецианка, важное назначение, доверие, власть, признание), происходит столкновение с невозможностью идеального в реальном мире. Причиной краха Отелло ни в коем случае нельзя назвать ревность или любовь. Если бы Шекспир хотел показать чувство как причину краха, его Дездемона действительно бы изменяла с Кассио. Здесь же налицо онтологическая недостижимость ренессансного идеала. Разочарование в любви (тем более трагичное в силу отсутствия реальной причины) заставляет Отелло разувериться во всех других составляющих, а значит, в себе самом. Выпадение любой составляющей природы трагедийного героя влечет ее полное разрушение. Вся жизнь лишается смысла.

Происходит откат в обратную сторону: изоляция Отелло, которую он так пытался преодолеть, усиливается. Одиночество в трагедиях Шекспира всегда есть приобретаемая в результате конфликта характеристика трагедийного шекспировского героя. Любовники, отвергнутые враждебным обществом (Ромео и Джульетта), побежденные заговорщики (Брут и Кассий), принц во власти врагов (Гамлет), проклятая женщина (леди Макбет), герой, лишившийся родины (Кориолан), другой, чужак во всех смыслах слова (Отелло), слепой одинокий старик (Глоустер), пара, потерявшая мир, чтобы найти любовь (Антоний и Клеопатра), – таковы

персонажи, которые желают покончить с собой или делают это. Каждый отрезан от своей среды и оказывается один перед трагическим выбором. Изоляция продиктована в значительной смысле и философским смыслом самоубийства, которое всегда есть *личный* ответ перед собой и Богом.

Отелло все глубже погружается в хаос. Смерть Дездемоны не логическая, но сюжетная необходимость, это точка невозврата, чтобы у героя, а также зрителя / читателя не осталось сомнений в неизбежности самоубийства.

Отметим, что самому акту самоубийства предшествует некоторый период «неустойчивого состояния» – это разбежка, люфт между жанровым и сюжетным осознанием неизбежности самоубийства, или, другими словами, между общей, типичной и конкретной ситуациями. Период «неустойчивого состояния» самоубийцы присутствует и в других трагедиях драматурга: самоубийство никогда не застает нас врасплох. В «Отелло» самоубийство упоминается несколько раз Родриго, Эмилией и Дездемоной еще задолго до развязки. Зрителя плавно подводят к осознанию неминуемости самоубийства на нескольких уровнях восприятия: оно подготовлено самоубийством второстепенных персонажей (действенный уровень), идеями и размышлениями (вербальный уровень) и упоминанием мифологических самоубийц (метафорический уровень). Данная авторская стратегия постепенно внушает нам вывод о вынужденности смертельного исхода.

Важно отметить, что все самоубийства героев Шекспира предопределены характером, понятием о чести и достоинстве, ожиданием со стороны общества или муками совести. Акцент на отсутствии выбора косвенно свидетельствует об одобрении автором действий своего героя. Если же у героя есть выбор (что наглядно показано размышлениями Гамлета или злключениями Глостера), автор «убеждает» их жить дальше.

Изменения, происходящие с героем под воздействием внешних обстоятельств и размышлений, не ограничены изоляцией. Достаточно парадоксально акт самоубийства, то есть смерть, приводит к обретению героем новых характеристик (в литературе парадокс снимается при понимании того же Отелло не как реального человека, а как персонажа, который не может умереть или исчезнуть). В сцене самоубийства Отелло снова становится собой, даже более того – идеальным собой. В момент смерти он сам себе хозяин. Спокойный, ясный, он вспоминает прошлое, перед тем как исчезнуть. Этот исключительный человек может справедливо напомнить, перед тем как себя казнить, что он не принадлежит к низкосортным убийцам, а, напротив, является «an

honourable murderer» (достойным убийцей) [V, 2]. Он просит: «Speak of me as I am» [V, 2]. Дж. Уилсон считает, что цель последней речи – напомнить, что Отелло действительно герой [6, с. 93]. Но нам кажется, цель последней речи – показать достижение героем своего идеала, что, в свою очередь, выявляет возможность обретения идеала только в смерти:

*Speak of me as I am; nothing extenuate,  
Nor set down aught in malice: then must you speak  
Of one that loved not wisely but too well;  
Of one not easily jealous, but being wrought  
Perplex'd in the extreme* [V, II].

Тот же вывод напрашивается при прочтении последних речей в других трагедиях. Зачастую речь произносится не самим героем, а второстепенным персонажем:

*This was the noblest Roman of them all:  
All the conspirators save only he  
Did that they did in envy of great Caesar;  
He only, in a general honest thought  
And common good to all, made one of them.  
His life was gentle, and the elements  
So mix'd in him that Nature might stand up  
And say to all the world 'This was a man!'* [V, V]

С точки зрения типичности героя, самоубийство в «Отелло» – это апофеоз идеи саморазрушения, как и в трагедиях «Юлий Цезарь», «Антоний и Клеопатра». С точки зрения сюжета, самоубийство – наиболее частотный мотив магистрального морального сюжета, рассмотренного еще Л.Е. Пинским [2].

#### Библиографические ссылки

1. Кэннел П. Отелло и Антоний // Шекспир: главы из книги. 1998. № 11. С. 174–89.
2. Пинский Л. Е. Шекспир: Основные начала драматургии. М. : Худ. лит., 1971. 602 с.
3. Шекспир У. Отелло; пер. с англ. Б. Пастернака // Полное собр. соч.: в 8 т. М.: Искусство, 1960. Т. 7. С. 101–257.
4. Shakespeare W. Julius Caesar // The Complete Works: all the plays in chronological order, with all the sonnets and poems. Ware, Hertfordshire: Wordsworth Editions Ltd, 1994. P. 582-610.
5. Shakespeare W. Othello, the Moor of Venice // The Complete Works: all the plays in chronological order, with all the sonnets and poems. Ware, Hertfordshire: Wordsworth Editions Ltd, 1994. P. 818-857.
6. Wilson F. P. Elizabethan and Jacobean. Oxford: Clarendon Press, 1948. 143 p.